

КИКЭ ЕПЭ – РУССКИЙ СВЯТОЙ

О новомученике Ефиме Кочеве, его потомках и селе Вильгорт

Опубликовано в газете «Вера-Эском» (выпуск 401, декабрь 2001 г.)

Источник: <http://www.rusvera.mrezha.ru/401/4.htm>

Русские жития мало походят на греческие или римские первых веков. Там – герои, пламенеющие от желания пострадать за свои убеждения. Здесь принимают смерть молча и терпеливо, как солдаты. Там – порыв, который невозможно остановить. Здесь оборона, которую не прошибить никакими силами. Городских жителей потеснили в списках гонимых за веру крестьяне и выходцы из крестьян. Так много отличий, но в тома святцев угодников вносят не по столетиям, а по месяцам. В этой книге живых рядом могут оказаться имена первомученика Стефана и человека, который качал кого-то из нас на руках или мечтал дожить до нашего рождения. 19 декабря – день памяти новомучеников, убитых на Коми земле. На иконе, которая уже написана, – епископ, монахиня, несколько священников и староста Сретенской церкви в Вильгорте св.Евфимий. Ефим Петрович Кочев – так звали его по-русски, Кикэ Епэ – по-коми.

Дедушка

Сведений о св. Евфимии почти не сохранилось, да и было немного. Единственный человек, который помнит Кикэ Епэ, – его внук Сергей Михайлович Кочев, автор простых, прекрасных воспоминаний, где он описывает своих родных, село Вильгорт, довоенный Сыктывкар. Воспоминания нигде пока не напечатаны. Передо мной лежит папка с 39 листочками. Первая глава «Моя родословная» начинается словами: «Мой дедушка по отцу, Кочев Ефим Петрович, 1867 года рождения, прожил на свете 70 лет и умер неестественной смертью. Он был невысокого роста, лысоват, но имел приятные черты лица: прямой тонкий нос, высокий лоб, лицо его украшала шикарная борода. По характеру он был спокойный, общительный.

Его жена, моя бабушка, Кочева Екатерина Григорьевна была физически крепкой, строптивой по характеру женщиной, которая хорошо относилась лишь к своей родне и священнослужителям. Проживали Кочевы в селе Вильгорт.

Пожились они в 1884 году, когда дедушке было 17 лет, а бабушке 19. В 1886 году у них родился первенец – Михаил, мой отец. Начинали свою семейную жизнь дедушка и бабушка в крайней бедности. Об этом говорит тот факт, что для варки пищи у них имелся всего один котел, да и тот с лопнувшим краем.

Дедушка мастерил туеса, понемногу столярничал, а начиная с 1900 г., принимал участие в ямных перевозках. Благодаря трудолюбию и смекалке четы Кочевых к концу XIX века они имели уже довольно не бедное хозяйство: лошадь, две коровы, приличный

дом со всеми хозяйственными пристройками. Они вырастили пять дочерей и троих сыновей.

На склоне лет, в начале 30-х годов, пристрастились они к церкви и делали большие пожертвования. В 1936 году дедушка был избран старостой вильгортской Сретенской церкви, что и привело к его гибели. В 1937 году Вильгортский сельсовет под надуманным предлогом решил закрыть церковь. Однако дедушка, не понимая тогдашней обстановки, решил принять меры к сохранению церкви. Он стал собирать подписи прихожан...»

* * *

Сбор подписей был признан вызовом революции. «Посадил дедушку Кузиванов, наш сосед, начальник местного НКВД, – рассказывает Сергей Михайлович. – Тогда много стариков убили. Только из Вильгорта было расстреляно пять человек, по всем деревням брали».

Это все или почти все. Десять лет назад Сергей Михайлович прочел дело № 4338, заведенное на его деда. На одном листе опись имущества: демисезонное пальто и бутылка кагора. На последнем листе – акт о расстреле. Имена судей отсутствуют. Даже тогда, в 36-м году, эти люди боялись своего народа. Они безымянны, как злые духи, среди которых лишь немногие имеют клички, а прочие носятся в воздухе, словно клочья саж.

В центре Ефим Петрович Кочев, справа его супруга Екатерина Григорьевна, слева Михаил Ефимович с сыном Сергеем

* * *

Мы сидим с Сергеем Михайловичем у него дома. Он оправдывается, что мало может поведать о деде.

– Мы, коми, такие, – поясняет Кочев, – сдержанные. Раньше даже не здоровались. При встрече спросит один другого что-нибудь вроде:

– Дядя Иван, куда едешь?

– В лес по дрова.

И все.

Сергей Михайлович говорит, что дедушка очень любил людей: «Он был святым человеком, таких на свете мало. Отец мой был не таким».

«Он был добрый» – эти слова повторяются за время нашего разговора несколько раз. Защищал Сережу, радовался ему, как никто, наверное, не радовался. Время от времени мать (одна из создательниц колхоза, член ВКПб) посылала мальчика к деду попросить денег «взаймы» (без отдачи). Отказов не было.

Казненный много лет назад старик так и остался для своего внука лучшим человеком на земле.

* * *

После войны Сергей Кочев некоторое время возглавлял горком комсомола Сыктывкара.

– Почему вы вступили в партию, зная, что случилось с дедом? – спрашиваю я.

– Это было на фронте, в 44-м году, – объясняет Кочев.

Вскоре его хлестнуло взрывом по лицу. В госпиталь лейтенанта привезли с глазами, полными осколков. Из одного глаза их вынули, зрение частично восстановилось. В другом, невидящем, и сейчас сидит железо.

Поэтому горкомом комсомола руководил недолго – болели глаза. И еще было больно за деда, за тетку, погибшую в лагере, и ее расстрелянного мужа, за сестру, отсидевшую несколько лет за невинную шутку. Ушел. Стал преподавателем в пединституте, возглавляя кафедру математического анализа.

Всю жизнь пытался стать похожим на деда. И слова о партийности – «на фронте вступил» – значат в его устах больше, чем кажется. Потому что не шибко когда гнул, и в Особом отделе был на особом счету за то, что в 42-м году в разговоре с товарищами-офицерами предсказал провал наступления под Харьковом.

Иногда заходит в церковь. Его дочь стала по-настоящему верующим человеком, в этом угадывая, быть может, устремление своего отца, мучительно себя и свое время преодолевающего.

* * *

Бабушка Екатерина Григорьевна была несколько иным человеком, тоже добрым, но ей было трудно себя сдерживать, когда видела неправду. Потом раскаивалась. Очень боялась грехов, особенно обидеть кого-то, дурное слово сказать. Всем сердцем верила в Бога,

сражаясь со своим характером. Жили они до гибели Кикэ Епэ 53 года, уже и золотую свадьбу отпраздновали, а так ни разу и не поссорились. Уважая друг друга, во всем – и в работе, и в вере – старались держаться вместе.

До последнего Кикэ Епэ много работал. Сергей Михайлович хорошо запомнил, как дед туеса делал.

За березой для них дед ходил с сыновьями в лес, выбирая определенное время, когда сок березы загустевает, становится непригодным для питья. Работа это тяжелая. Надо выбрать нужное дерево, от этого зависят объем и размер туеса. Затем повалить березу так, чтобы комель не со рвался с пенька, и оголить до древесины колечками шириной 3-5 сантиметров. Клинышком отделить каждый берестяной цилиндр от дерева, толкая клин между ними. Отделенный цилиндр должен свободно вращаться вокруг ствола. Его снимают, протаскивая через верхушку дерева.

В последний раз Сережа видел деда на Петров день. Ефим Петрович скорбел, что на церковь отдельные товарищи стали косо смотреть. Говорил, что ему очень хочется сохранить вильгортскую церковь.

16 или 18 августа за ним пришли.

Когда провожали, Ефим Петрович сказал, стараясь успокоить родных:

– Меня скоро выпустят, я ничего плохого не сделал.

Дочери, Августа Ефимовна (Густя) и Анна Ефимовна, пытались выяснить, что с ним. Очень убивались об отце. И какая-то женщина, работавшая в тюрьме, сказала Августе:

– Вашего с бородой посадили, наверное, расстреляют.

Однажды Густя подозвала Сережу к окну и показала: «Вон видишь человека. Это агент ходит».

Больше о деде ничего не слышали. Лишь в 1991 году, разбирая дело № 4338, Сергей Михайлович узнал, что Ефим Петрович Кочев был расстрелян 19 сентября, через месяц после ареста.

Отцы и дети

На этом, собственно говоря, материал можно было бы и закончить. Но есть одно обстоятельство, без которого нам не понять причин гибели Ефима Кочева.

Среди восьми детей Кикэ Епэ ни одного верующего. В лучшем случае сочувствовали. Сергей Михайлович объясняет это тем, что почти все они рано, лет в 15-16, покинули дом, отправляясь на поиски работы.

Я много раз слышал, что самым тяжелым испытанием для верующих было неприятие их родными, близкими, соседями. Не чужой человек велел арестовать Кикэ Епэ, а сосед-односельчанин. Из-под ног русских христиан ушла, обрекая их на истребление, та почва, на которой они стояли – их дети, вершившие дела в стране.

Не хочу выносить здесь приговоров. Да и не могу, потому что жалко, горестно узнавать, как складывались судьбы этих несчастных, выпавших из гнезда птенцов, так и не сумевших взлететь.

* * *

Самой яркой личностью среди детей Кикэ Епэ была, конечно, Елена Ефимовна Чекорская-Воронкова. В юности уехала в Киев, стала отличной белошвейкой. Замуж вышла за большевика. Когда его в начале гражданской войны расстрелял белый отряд, сама увлеклась партийной работой, была одной из руководительниц женского коммунистического движения в Усть-Сысольске. Воевала на польском фронте, где была ранена, а перед тем второй раз вышла замуж – за полкового комиссара Воронкова.

Люди были довольно хорошие. Племянника Сергея Кочева, по его словам, они всегда принимали в Вологде как родного сына. Своими детьми так и не обзавелись. В 38-м году комиссара Воронкова казнили. Елена Ефимовна погибла в тифозном бараке лагеря АЛЖИР (Актюбинский лагерь жен изменников родины).

* * *

Не менее трагично сложилась судьба Михаила Ефимовича, хотя он умер в своей постели и никогда не подвергался аресту.

Я спросил:

– Сергей Михайлович, как восприняли весть об аресте Ефима Петровича ваши родители?

– Мой отец, старший сын Ефима Кочева, не очень его уважал. Он был богохульником, и они не сходились по характеру. Отец сказал мне просто: «Дедушку посадили». Мама отреагировала очень спокойно. Кто-то из них, правда, обронил: «Зря посадили, он никому ничего плохого не сделал».

Дальше я приведу отрывки из воспоминаний Сергея Михайловича об отце:

«От своих тетушек я слышал, что в молодости Миша пользовался большим успехом у девушек, был самым веселым парнем в деревне...»

Воевал он на румынском фронте. Когда вернулся домой, то вся жизнь в стране уже вышла из колеи. И он, Михаил, вместе с ней:

«Соседи рассказывали, как отец за три литра водки перенес однажды пятипудовый мешок с сахаром от пристани города до местечка Париж.

Не могу объяснить почему, но любил он только себя. Даже за столом ел самые лучшие куски, не обращая на нас никакого внимания.

В 29-м году у нас дома случилась беда: развалилась кладка хлебных снопов. Отец в то время работал в городе – строил дом сестре Анне Ефимовне. Мать посадила меня верхом на лошадь и отправила в город. Мне было тогда 9 лет. На обратном пути на лошадь сел отец, а я бежал за ним более семи километров.

В 1930 году мать завела нашу семью в колхоз. Первые два года отец там держался, он вообще быстро осваивал механизмы, работал на сенокосилке, молотилке. Но потом стали выдавать на трудодень по 400 г хлеба, и отец решил работать сам по себе – плотничать, столярничать. Почти каждый день напивался до чертиков, но никогда не терял разума.

В 1936 г. в нашей семье случилось несчастье – мать Мария Ивановна, окончив Совпартшколу, была направлена на работу в с.Мордино, где через год вновь вышла замуж. С собой взяла младших детей – брата Николая и сестру Наталию. Нас с отцом осталось пятеро – я и четыре сестры.

После этого запои отца стали еще продолжительнее. Часто он, пьяный, шел по главной улице райцентра, мимо райкома партии и райуправления НКВД и, высоко подняв огромные кулаки, кричал: «Коммунисты все... и ...!» Однако начальство считало, что он ругает не их, а свою жену».

Характер Михаила Ефимовича довольно живописно проявился в такой истории:

«В Вильгорте летом 1938 года разгуливал породистый баран величиной с крупного теленка, с крепкой шеей и большими рогами. Обычно по утрам он стоял при входе в хлебный магазин. Пропускал людей свободно, но выходить разрешал только тем, кто его угощал. Иначе все, а особенно женщины, могли испытать силу его рогов на своем заднем месте.

Так вот однажды, после обеда, в хороший летний день баран лакомился травкой на лужайке возле нашего дома. Я смотрел в окно. Вижу: подошел отец, как обычно, пьяный, встал на четвереньки и пошел на барана. Баран сначала не обращал никакого внимания, но после отцовской матерщины он пошел в наступление. Хорошо, что удар пришелся отцу не по голове, а по плечу. Он виновато поднялся и побежал к дому. Плечо болело довольно долго.

Рассказывать о проделках отца можно много. Вот, например, такой случай. Осенью 1946 г. мы с женой были в Вильгорте, а затем пешком пошли в город. С нами был и отец, причем весьма навеселе. В городе его еще сильнее развезло, и он, ударяя себя в грудь, стал на всю улицу кричать: «Я самец!» Он полагал, что это слово одинаково по смыслу со словом «герой». Встречные женщины только улыбались.

Умер отец в 1962 году...»

* * *

Какая-то обида на отца осталась у Сергея Михайловича по сей день. Он словно всю жизнь бежит за ним, как тогда, в детстве. Рассказывает грустно:

– Постоянно вижу его во сне, но он почему-то не хочет со мной поговорить, не очень дружески воспринимает. И сегодня видел – как будто убегает от меня все время.

Раз за разом пытается ухватиться за хорошее: вспоминает, например, как они на рынок вместе ездили, за берестой в лес ходили. И всякий раз слова обрываются:

«Помню, еще в совсем малом возрасте отец поднимал меня на колокольню, держа левой рукой у груди, правой рукой качал язык большого колокола и звонил. Впоследствии

на мой вопрос, зачем он это делал, отец ответил, что звон лечит от многих болезней и в первую очередь от психических заболеваний».

– Говорят, если умерший человек часто снится, это значит, что он просит наших молитв, – говорю я Сергею Михайловичу.

– Надо молиться, – повторяет он, пытаюсь вспомнить, как делал это дед – святой Ефим Вильгортский.

Вильгорт

А Сретенский храм все-таки уничтожили, как сокрушили тело его последнего защитника. «Задушили звон душевный колокольный», – скорбит Сергей Михайлович Кочев.

Эта боль всенародная заставила в свое время академика Фаддея Шипунова изучать голоса погибших церквей. Он, используя чуткие приборы, пришел к удивительному открытию. Звоны давно переплавленных колоколов продолжают звучать и в наши дни. Просто мы их не слышим.

Церковь стояла посреди Вильгорта, напротив школы, построенной по проекту архитектора Альберти.

«В звоннице были четыре больших и около десяти маленьких колоколов, – пишет Сергей Михайлович. – Большой колокол весил 160 пудов, что было даже выгравировано на нем. Звон его был слышен в радиусе 6 км, расположен он был в центре звонницы и подвешен на двух толстых брусках. Звонили из всех колоколов обычно два звонаря, один из которых раскачивал язык большого колокола.

Все постройки села Вильгорт, кроме церкви, были деревянными. Многие имели праздничный вид».

* * *

Расположен Вильгорт (Выльгорт – так почему-то пишут это название сейчас в Коми) на тракте Сыктывкар – Киров и тянулся прежде вдоль дороги более чем на 5 километров. Село описано в воспоминаниях Кочева подробно, с любовью: «Состояло оно более чем из десяти деревень. Как была устроена жизнь (имеется в виду до коллективизации, – **В.Г.**)? Каждый крестьянин имел свой участок пашни и сенокосные угодья – райские места летом. Пахали, используя сохи с железным лемехом. Женщины почти всю зиму ткали холсты на самодельных ткацких станках.

На речке Вежалю были небольшие водяные мельницы, построенные жителями села, они обслуживали все хозяйства. Плата за помол бралась натурой, а если намол составлял всего один мешок, то плату зачастую не брали.

В селе насчитывалось около 400 дворов, значит, приблизительно проживало в нем 1500 жителей.

Как и в других коми селах, в Вильгорте люди называли друг друга не так, как писалось в паспорте, а по-своему. Каждый род имел особое наименование. Например, Каля Мишка

означало – Михаил из рода Каля (Кулик), Сизь Васьэ – Василий, относящийся к роду Сизь (Дятел).

Почти в каждом дворе было по несколько коров и лошадей (до коллективизации). Вильгорт отличался от других сел своими мастеровыми. Так, Грезд и Ветьэ в Грезд славились своими кузнецами. Кузни были расположены вдоль речки Грезд шор. Мастера ковали телеги и разный хозяйственный инвентарь: ножи, косы, шарниры и т.д. Славились кузнецы Гурей Иван, Лизэ Паньэ и Лизэ Ваньэ, Педот Микул».

В деревне Вичкодор были хорошие гончары. В деревнях Ляпыд и Вичкодор столяры, краснодеревщики мастерили сундуки, мебель, обеспечивая ими все деревни, расположенные на Сыsole и Вычегде, а также город.

Жители Съэла Пиян занимались выделкой шкур, а в деревне Дав жили хорошие печники.

Еще вильгортские делали гармошки, а имя мастера по изготовлению балалаек и домбр Семена Налимова гремело по всей России, на выставках в Петербурге и Париже его инструменты были удостоены большой и малой золотых медалей. На них играл знаменитый ансамбль народных инструментов Андреева.

* * *

До 1929 года в Вильгорте по-настоящему отмечали церковные праздники. «Особенно мне нравились пасхальные дни, – пишет Сергей Михайлович, – тогда бабушка мне дарила яичко, больше же я яиц в течение года не видел. Колокольная была в эти дни открыта, и звонил каждый, кто хотел. Колокола гудели все дни пасхальной недели. В школах были каникулы, кажется, до 1927 или 1928 года».

В Якоще, кроме Пасхи, значительным событием было празднование Ильина дня. Хотя работы по хозяйству было много, народ в этот день не работал. С утра люди шли в церковь, где шло богослужение и всех угощали вареным мясом. В каждом доме делали самодельное пиво (сур) из солода, имевшего небольшую крепость. Из еды на столе были мясной суп, чериньянь (рыбник), кисель и т.д.

Обычно приходили гости из других деревень и из города. После обеда начиналось гулянье. Молодежь ходила по деревне с песнями, были пляски, а вечером – драки. Подвыпившие молодые люди шли косяками один на другого, применяя при этом косы, вилы, а в большинстве своем – жерди. Обычно были и несчастные случаи. Каждый раз приезжала конная милиция. Но, как правило, каждый раз кого-то забивали до смерти.

Сергей Михайлович Кочев
1946 год

В 1929 г. запретили звонить в колокола, а в 1936 г. церковь вообще закрыли и разграбили, не оставив ничего внутри. В следующем же, 1937 году, сбросили колокола, шпиль с крестом. Колокола разбили на кусочки и отправили на завод для переплавки. Пожилые женщины приходили к большому колоколу, плакали и целовали его.

* * *

При раскулачивании пострадали немногие – десять дворов разворотили. Дальше стало хуже – в колхозах остались старики, женщины, дети. Мужчины подались на заработки, чтобы спасти свои семьи от голода (в то время прилавки магазинов в Сыктывкаре ломились от деликатесов, например, от тушек семги весом в 5-6 килограммов; цвет красной рыбы гармонировал с убеждениями партийных и общественных деятелей). Не знали мужики, что обратно большинству из них не вернуться...

«Если бы не Сталин, а другой, более умный и спокойный, человек руководил страной, – замечает Сергей Михайлович, – то не было бы в войне таких огромных потерь. В моем родном селе Вильгорт погибли на фронте 396 человек».

Старики старше 55 лет были мобилизованы в трудовые лагеря, где большинство из них умерло от голода. После войны вдовы фронтовиков повыходили замуж за власовцев, бендеровцев, которые после срока в лагерях селились на высылке в Вильгорт».

* * *

«Дома дедушкиного уже с 58-го года нет, – говорит Сергей Михайлович. – Я летом иногда там бываю, вспоминаю дедушку, бабушку. Там очень красиво, речка рядом».

Только музыка осталась неизменной. Неслышно звонят колокола. Почти зримо возвышается над селом фигура св.Ефима, вымаливающего родное место у Бога. Он такой при жизни был и едва ли изменился.

Послесловие

В тот год, когда убили Кикэ Епэ, его любимого внука Николая Оплеснина, сына Анны Ефимовны, забрали служить в войска НКВД.

Мы не знаем, насколько тяжело было Николаю с этим смириться. Ведь дед его вынынчил, они были очень привязаны друг к другу. Сергей Михайлович вспоминает, как Коля зимой часто прибегал в Вильгорт на лыжах.

Едва вернулся из армии, как его снова призвали. На этот раз командиром пулеметного взвода в общевойсковой части. В 41-м ее перебросили под Ленинград, где старший лейтенант Оплеснин спас свою дивизию. Три раза переплыл ледяной Волхов, поддерживая связь с основными силами армии. Коми земля дала много героев, но Золотая звезда Героя Николая Оплеснина не имеет равных. Здесь никого не чтят больше.

Он мог уцелеть. Однажды приехал в Сыктывкар на побывку и получил приглашение работать в органах. С трудом сдерживая себя, Оплеснин отказался, а вернувшись домой, сказал жене:

– Не хочу служить тем, кто убивает безвинных людей.

Они были с дедом одно й крови, одного духа. И ушли след в след – великодушные, чистые люди. Такими запомнились.

* * *

Бабушка Екатерина Григорьевна внутренне словно умерла после ареста Кикэ Елэ. Молилась и помнила. У нее в гостях часто можно было увидеть священников, монахинь. Жила, «дорастая» до мужа, такая же молчаливая, как водится это у крестьян.

Незадолго перед кончиной увидела чудесный сон. Будто идут они с Ефимом Петровичем по цветущему полю на какую-то работу, идут и разговаривают.

В.ГРИГОРЯН